

СЕРГЕЙ ФУРСА

ПУТЬ ДОМОЙ

**ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2017**

Данная история является вымышленной, как и большая часть ее персонажей. Это, впрочем, не говорит о том, что ее не могло быть...

Глава 1

Этим жарким крымским летом просто невозможно было запереть окна. Как, впрочем, и любым летом на полуострове, славящемся своим субтропическим климатом и субсоветской психологией. Однако именно в этом году открытые окна послужили причиной нашествия мух.

Больших черных мух, жужжание которых слилось с трескотней телевизора и просто не давало покоя. Но избавиться от них не было никакой возможности, и мухи лезли везде и всюду, а иногда нагнали до такой степени, что садились даже на голову, намекая, что ее необходимо помыть, причем уже давно. И даже на телевизор. Телевизор! Последнее оставшееся окно в мир. И там сейчас показывали приезд Владимира Владимировича в Крым. Смотреть на это Николаю Ивановичу Трофимову без слез было трудно. Путин шел, гордый и сильный, сопровождаемый тысячей вассалов. И да, этими мотоциклистами, то ли ночными овцами, то ли степными волками. Немного пива, которое теперь нагревалось быстрее, чем успевало согреть душу и желудок отставника, — и вспомнилось, что вся история, эта проклятая история, началась в такой же день. И связана она была не только с президентом, но и с байкерами, как их, кажется, называют.

Это было другое лето, еще до того, как Россия вернулась к нему, а он к ней. Вернулась, потому что всю свою жизнь он провел бок о бок с Россией, родившись под Самарой в далеком 1953 году. Судьба успела побросать его, офицера, по всей огромной Родине, пока не отпустила на заслуженную пенсию, оценив его усилия по достоинству. Он, конечно, тоже постарался: устроил так, чтобы поселиться после отставки в Крыму, как мечтали почти все будущие военные пенсионеры страны. И ему повезло! Так он думал. И даже оказавшись спустя некоторое время вне России, не выходя из своей скромной квартиры на первом этаже одного из немногих высотных домов Алушты, он все равно оставался верным ей. И его собственный телевизор не даст соврать.

Да, тот самый телевизор, помнящий картинку минувшего лета. Где его хозяин был среди толпы отправившихся взглянуть на великого человека. Тогда почему-то пиво еще не успевало нагреться и он с уже третьей бутылкой родного «Жигулевского» пытался пробиться поближе к площади, на которой ждали президента России. Тогда-то Трофимов и познакомился впервые с байкерами, про которых раньше мог слышать только от соседок, что иногда радовали последними сплетнями на скамейке у дома. Впрочем, он вряд ли запомнил бы, что они говорили. А может быть и стоило... Потому что в тот день Николай случайно зацепил какого-то хилого парня в кожаной куртке, из-за длинных волос со спины принял его за девушку. И когда паренек грубо высказал свое недовольство, Трофимов не преминул упомянуть и его явное сходство с женским полом, и потенциальную сексуальную ориентацию. А когда длинноволосый, явно допустив ошибку в оценке противника, попробовал толкнуть его в грудь, негодуя, отставник с радостью вспомнил старые навыки, одним тычком сбив дыхание сопляка. На этом, казалось, все закончилось, и, получив свою долю удовольствия от нескольких минут рядом с президентом России, который, кажется, даже скользнул взглядом по нему, Трофимов отправился домой. Конечно же, остановившись у киоска, дабы восполнить запас сигарет и пива. Эта остановка оказалась лишней, потому что там к нему подошли трое. Одним был

тот самый сопляк, зато двое других оказались его прямыми противоположностями. Их с пареньком роднили разве что кожаные куртки да перстни на пальцах. Больше заметить пенсионер ничего не успел, ибо его боевые навыки все же по большей части остались в прошлом.

Следующие сутки, как ему потом рассказали, он пребывал в царстве Морфея. На удивление, в этом царстве было полно красок и образов, которые он не замечал ранее. А его сон больше напоминал реальность, чем иногда настоящая жизнь. Во сне он снова был на площади. На ней было много людей. Они держали флаги. И Николай Иванович даже отчетливо помнит, что флаги были те самые, советские. Правда, почему-то, он также отчетливо помнил, что древки у них были бамбуковые. Как будто удочки. Люди были радостны, пели песни. Почему-то пели «Катюшу». Песня была хорошая и Трофимов подхватил ее вместе с ними. Потом подхватили «Дороги». Потом вдруг спели про оленя, который бежит куда-то. Это Трофимов петь не мог и отчаянно пытался заставить людей спеть «Интернационал». Но никто не хотел. А одна из женщин, полная блондинка, даже ударила его по голове своим бамбуковым флагом. Почему-то было очень больно, как будто по голове его ударили металлической трубой. Потом она исчезла. Люди вообще стали расступаться вокруг него, один Николай Иванович стоял на месте. И вдруг он понял, что люди расступаются перед другим человеком. Это был Он. Это был Путин. Он шел по дороге, прямо на него. На Трофимова. Один. Без охраны. Без жены. И без Медведева. Он подошел к Трофимову, и когда Николай протянул ему руку, чтобы поздороваться, то Путин вдруг опустился на колено перед Трофимовым, поднял его рубашку и поцеловал в живот. От поцелуя сначала стало жарко, а потом вдруг холод пробежал по всему телу, будто это Снежная королева прикоснулась к нему. Мороз сковал его ноги и почти добрался до самой головы. Николая Ивановича затрясло, а Путин просто стоял рядом и улыбался. После чего крепко обнял Трофимова и предложил сходить на рыбалку. Когда-то Трофимов очень любил рыбачить. Еще в прошлой жизни. До Крыма. И теперь они снова оказались на реке. Вдвоем на плоту. Бамбуковые флаги

превратились в удочки. Они плыли по реке, где-то в средней полосе России, пили пиво. «Жигулевское». И Путин слушал Трофимова. А Николай Иванович рассказывал ему, как они должны сделать Россию снова великой. Говорил про Крым. И про щуку. Особенно много они говорили про щуку. Путин, как оказалось, большой охотник поест фаршированную щуку. Они плыли и говорили, а потом вдруг Путин скинул рубаху и прыгнул в воду. И исчез. Как раз когда Трофимов хотел у него спросить что-то очень важное. А река все ускоряла и ускоряла ход, и вдруг оказалось, что они плывут не в Поволжье, а где-то в джунглях. И это точно была Латинская Америка. Трофимов никогда там не был, но точно знал, где находится. И плыл он один. А впереди водопад. Николай Иванович думал прыгнуть в воду, как Путин, но было поздно. Там вокруг было полно крокодилов. А у него не было даже весла. Просто плот. Который несся к обрыву. Николай Иванович постарался грести руками, удочками, но не помогало. Водопад неумолимо приближался. А потом плот с Николаем Ивановичем рухнул вниз. И — пустота.

Очнулся он спустя некоторое время в больнице. Со сломанной челюстью и огромным желанием выпить. Там судьба и свела Николая Ивановича с человеком, определившим все изменения в его бурной жизни. Впрочем, тогда ни он, ни Вячеслав, лежавший в той же палате с грыжей, не представляли, что их ожидает в будущем. И в основном их общение касалось прошлого: общего военного прошлого. Беседовать они начали с того момента, как Трофимов смог говорить. До этого он слушал. И молча выпивал. Потом они выпивали уже не молча. А потом Николая выписали, и он надолго забыл о Вячеславе, хотя они и обменялись на прощание номерами. И был очень удивлен, когда спустя месяцы, в конце зимы бурного 2014 года, услышал знакомый голос по телефону.

Нельзя сказать, чтобы Трофимов часто вспоминал своего больничного приятеля. Жизнь шла своим чередом, вихрь телевизионных новостей захватывал его, но только тогда, когда заканчивались хоккейные или футбольные матчи. Однако голос Вячеслава отставник узнал сразу. Человек на том конце провода предложил встретиться и как можно скорее.

В такие моменты принято говорить, что у героя сразу засосало под ложечкой. Но ничего подобного не произошло. Это был обычный телефонный звонок поздним вечером, когда итоговые передачи новостей уже просмотрены и осталось просто выпить чаю, заесть его непременно бутербродом с вареной колбасой и лечь спать. Так Николай Иванович и поступил, не придав значения даже тому факту, что встреча была назначена в парке уже на следующее утро.

Его приятель сидел на лавочке, нервно озираясь по сторонам. Не менее нервным, и даже радостно возбужденным, он был на протяжении всего разговора. Стояло февральское утро, а значит, сидеть на лавочке, пусть и в Крыму, было весьма прохладно. И собеседники отправились прогуляться по аллее, пустой в это время года. Разговор был довольно коротким. Вячеслав сообщал, что грядут большие перемены. И уже скоро! Россия вспомнит о своем величии. И ей, как всегда в такие моменты, понадобятся настоящие солдаты. Доказавшие уже не один раз свою преданность. Он спрашивал, так ли верен Трофимов России, как и во времена своей службы, и насколько велика его пенсия. Его преданность неизменна, заверил своего приятеля Николай Иванович, а близость перемен он тоже ощущает. Не пожалеет своего здоровья и остатка жизни ради Родины! И охотно поправил бы свое материальное положение. Вячеслав радостно похлопал друга по плечу, сказал, что скоро они снова увидятся, и ушел прочь. Выбросив газету в урну.

Трофимов так и не понял, к чему была эта встреча.

А потом случилось много чего. Майдан в Киеве, референдум в Крыму... Несколько месяцев пролетело, но телефон так и не зазвонил. Николаю Ивановичу иногда казалось, что в репортажах из Крыма где-то мелькает знакомое лицо, но могло ведь и просто казаться. Трофимов хлопал по спине появившихся зеленых человечков, радостно проголосовал на референдуме и потом мучился от похмелья на следующий день. Ему никто не звонил. Прошло несколько месяцев, прежде чем он снова услышал Вячеслава.